

A black and white movie poster. In the foreground, a young man in a dark, shiny hooded jacket stands on a wet, brick-paved sidewalk, looking off to the side. In the background, a large, multi-story apartment building is lit up at night, with many windows glowing. A car with its headlights on is parked on the street, and a person is standing near it. The overall mood is somber and urban.

МАРГАРИТА ХРИСТЮШИНА

Параграфы правды

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Христюшина

Параграфы правды

<https://litres.ru/74566969>

SelfPub; 2026

Аннотация

Изнанка службы в системе правоохранительных органов, опыт
длиною в 20 лет.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Маргарита Христюшина

Параграфы правды

Пролог

У этой книги нет красивой обложки. У нее вообще не должно было быть читателя.

Двадцать лет. Несчитанное количество дежурств. Бесчисленное количество «срочных выездов», которые на самом деле никогда не бывают срочными для тех, кто ждет нас на другом конце города. Двадцать лет в системе МВД — это не просто строчка в трудовой книжке. Это особый вид деформации личности, когда ты перестаешь смотреть на людей как на людей и начинаешь видеть в них «материал проверки», «терпил», «жуликов» или «потенциальную угрозу».

Когда я пришла в систему молодой 18 летней девочкой, мне казалось, что «Закон» — это монолитная стена, за которой можно спрятаться от хаоса. Я верила в параграфы уставов, в букву приказа и в справедливость. Спустя два десятилетия я знаю: закон — это всего лишь инструмент. И в чьих руках он окажется — хирурга или палача — зависит не от кодекса, а от того, что творится в душе конкретного человека в конкретный вторник в три часа ночи.

Эта книга — не детектив. Здесь не будет погонь с пере-

стрелками в духе голливудских блокбастеров и гениальных сыщиков, раскрывающих убийства по пылинке на плаще. Реальность пахнет иначе. Она пахнет застарелым потом, дешевым кофе из пластиковых стаканчиков, сыростью подвалов и безысходностью.

Я покажу вам изнанку. Ту, которую не показывают в сводках пресс-служб. Как «палочная система» заставляет нас искать виноватых там, где их нет, лишь бы закрыть статистику к концу квартала. Как бумажная волокита порой отнимает больше времени, чем спасение чьей-то жизни, и почему «отказной материал» иногда пишется легче, чем протокол задержания. Как выгорание превращает вчерашних романтиков в циников, для которых человеческая трагедия — это просто еще один «входящий номер» в журнале учета. О чем мы молчим в курилках, о чем не говорим дома родным, потому что боимся принести этот мрак в свои семьи. О «висяках», которые годами жрут тебя изнутри, и о компромиссах с совестью, на которые идешь, чтобы просто сохранить расклад.

Я не святая. Я совершала ошибки. Я нарушала инструкции, чтобы помочь человеку, и соблюдала их до запятой, когда понимала, что это единственный способ не дать системе сожрать невинного. Я видела, как система перемалывает кости своим же верным псам, и как она же дает неприкасаемость тем, кто давно перестал быть человеком.

Если вы ищете героическую сагу о «дяде Степе», закройте

эту книгу. Она вас разочарует.

Я пишу это не для того, чтобы оправдаться. Я пишу это, чтобы те, кто кричит нам вслед «зачем вы нам нужны?», хотя бы на мгновение увидели в форме не функцию, а человека. Человека, который, несмотря на всю грязь, все еще пытается разглядеть в этом параграфе слово «правда».

Глава 1

Папка 1. Лист первый. Начнем.

«Капрон и безнадега»

Осень 2007 года пахла мокрым асфальтом, прелой листво́й и канцелярским клеем. В кабинетах городского управления внутренних дел (УМВД) этот букет смешивался с застарелым перегаром от бессонных дежурств и кислым ароматом дешевого растворимого «Нескафе». Мне было восемнадцать. Мой первый рабочий день в качестве стажера.

Меня распределили в подразделение по делам несовершеннолетних. В то время не приходилось выбирать подразделение, придя устраиваться в отдел кадров, меня конечно же сотрудница кадров спросила куда я хочу, но окончив колледж по специальности «Юриспруденция», я точно знала, что хочу пойти работать в милицию, как мой дед, но о подразделении не думала. Поэтому я ответила сотруднице кадров достаточно лаконично «А куда можно?». Места были только в отделе по делам несовершеннолетних. Штат — более двадцати человек. Казалось бы, серьезная структура, оплот защиты детства. На деле оказалось — серпентарий, где главной валютой были не спасенные детские души, а удачно сплетенные интриги и умение вовремя закрыть «палку» в отчетность.

Первые три дня я, как и положено стажеру, «изучала документацию». Это был священный обряд посвящения: зубрежка внутренних локально-нормативных актов, Приказов МВД, регламентирующих каждый наш вздох, и обязательное заучивание должностей, званий и ФИО руководства. Я сидела в углу, перебирала пыльные папки и видела, как «старослужащие» лениво перекидываются в «Косынку» на пузатых ЭЛТ-мониторах. Я ждала, когда же начнется настоящая работа.

Она началась на четвертый день.

Утро встретило меня свинцовым небом. Старший инспектор — женщина необъятных размеров, чье имя я тогда даже не успела запомнить, а про себя окрестила «Глыба», — тяжело дышала, перекладывая бумаги с левой стороны стола на правую. Это был ее предел дневной активности. В кабинет заглянул один из сотрудников милиции. Кем он был — оперативником, дежурным или кадровиком — мне тогда было достоверно неизвестно.

— Лен, сегодня «День города», ты в расстановке в парке, тебя на досмотр поставили. Мельников заболел, ты вместо него.

«Глыба» медленно подняла голову. Ее взгляд, полный вселенской тоски, скользнул по кабинету и споткнулся о меня — новенькую.

— У меня колено. И давление, — хрипло выдавила она. — И вообще, у меня отчетность не закрыта. Сводка горит,

а Вы в расстановку ставите без согласования, как так? Я не могу.

Сотрудник перевел взгляд на меня. — Стажер? Как фамилия? — Беликова. — Беликова, собирайся. На площадь. Постоишь на досмотре, ничего сложного.

Никто не спросил, есть ли у меня жетон, есть ли рация, и, главное, есть ли у меня форменная куртка. Меня просто вытолкнули из теплого кабинета в октябрьскую сырость.

Я не была готова. На мне была обычная гражданская куртка, надетая поверх блузки, юбка и капроновые колготки. А на ногах — легкие осенние мокасины, в которых я пришла из дома.

Дождь начался, как только я вышла на крыльцо. Это не была морось, это был ледяной душ, который мгновенно промочил волосы и потек по спине. Площадь была оцеплена. Я встала в арочный металлодетектор. В руки сунули тяжелый, холодный прибор, как им пользоваться объяснили вскользь. По бокам от меня стояли сотрудники милиции в форме — мужчина и девушка. Оба кинули на меня взгляд, в котором читалось: «Салага».

Вода лилась за шиворот. Капрон на ногах мгновенно превратился в ледяную корку, которая при каждом шаге терла кожу до крови. Мокасины хлюпали, набирая воду, как губка. Я стояла под этим ледяным водопадом с девяти утра. К обеду я перестала чувствовать пальцы ног. Зубы выбивали дробь, которую я пыталась скрыть, до боли стискивая челюсти.

В час дня мероприятие было окончено. Рамки свернули. Я, окоченевшая, голодная (завтракать было некогда, а обед мне никто не предложил), поплелась в отдел. Денег на автобус у меня не было — зарплата стажера ожидала меня только через месяц, поэтому от городского парка до УМВД я шла пешком. Слезы от усталости, холода и обиды просто лились по щекам.

Зайдя в отдел, я вдохнула воздух коридора. Он пах теплом.

Я уже стягивала с себя мокрую куртку, мечтая о горячем чайнике, когда дверь кабинета «Глыбы» со скрипом открылась. — Беликова, — раздался ее сытый голос. — Чего расцелась? На площади сейчас концерт начнется, людей будет тьма. Давай обратно. До вечера постоишь, пока мы тут сводку добьем. Городской парк и площадь — разные концы города, мероприятия в честь Дня города были рассредоточены по всему городу.

От услышанного внутри меня что-то оборвалось. Это была не обида. Это было чистое, концентрированное отчаяние. Голод. Холод. Я молча встала. Дошла до туалета, заперлась в кабинке и опустилась на крышку унитаза. Меня трясло — то ли от озноба, то ли от унижения. Я разрыдалась. Тихо, в голос, кусая кулак, чтобы не издать ни звука, которое могло бы выдать мою слабость. Я представляла, как сейчас сниму эту мокрую тряпку, когда-то бывшую блузкой, и просто уйду домой. Подальше от этого равнодушия.

Но я посмотрела на свое отражение в треснутом зеркале над раковиной. На красные глаза и черные потеки туши. В коридоре слышались тяжелые шаги. Кто-то подошел к двери туалета.

Я включила ледяную воду. Умывшись до тех пор, пока кожа на лице не занемела и не потеряла чувствительность, я вытерла лицо жесткой бумажной салфеткой. Посмотрела на себя. Взгляд стал пустым. Я вышла из туалета. Мимо прошла «Глыба», бросив на ходу: «Там зонты в дежурке возьми, если что». Я взяла зонт. Спустилась по лестнице, вышла на улицу, где дождь всё так же хлестал город, и пошла на площадь. Идти было больно — ледяная вода в обуви хлюпала при каждом шаге.

В тот день я усвоила свой первый, самый главный параграф правды: в этой системе никто никогда не посочувствует твоему состоянию. Если ты не можешь постоять за себя сама — ты просто расходный материал. Твой долг здесь измеряется не количеством спасенных детей, а тем, насколько долго ты способна простоять под ледяным дождем в рвущихся колготках, пока твои «старшие товарищи» доедают свой обед.

Я стояла на площади, у входа в парк. Ноги онемели окончательно, и боль ушла. Остался только звенящий холод и абсолютная пустота внутри. Мне было восемнадцать, и мой роман с системой МВД только начинался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.